

Изучение китайцев в России 1858—1884 гг.

Александр Иванович Петров,

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток.

Историографию проблемы появления китайцев в России можно разделить на отечественную дореволюционную, советскую и постсоветскую, а также на китайскую, русскоязычную и т.д. В данной статье автор рассматривает первые работы отечественных исследователей Китая. Первые сведения о китайцах Уссурийского края относятся к 1854 г. Большой вклад внесли морские и армейские офицеры, которые часто писали объёмные статьи географического и этнографического характера. К ним относятся работы, обогатившие знания о Приамурском крае. Таким образом, первый этап развития отечественной историографии характеризовался накоплением знаний по истории китайцев на Дальнем Востоке России. В теоретико-методологическом отношении тема «Китайцы в России» в 1858—1884 гг. вообще не рассматривалась. Вместе с тем надо отдать должное тому, что уже в то время предпринимались первые попытки осуществить научный анализ причин появления китайцев на территории Уссурийского края.

Ключевые слова: Китай, Маньчжурия, изучение китайского языка, Россия, 1858—1884 гг., научные публикации, китайцы, Амур, русские морские и армейские офицеры, Н.Н. Муравьёв, А. Вышеславцев.

The Study of Chinese in Russia in 1858—1884.

Alexander Petrov, Institute of History, Archaeology and Ethnology of the Peoples of the Far East, FEB RAS, Vladivostok, Russia.

The historiography of the problem of appearance of the Chinese in Russia can be divided into domestic pre-revolutionary, Soviet and post-Soviet as well as Chinese, Russian speaking, etc. In this paper the author examines the first works of Russian researchers of China. The first information about the Chinese from the Ussuri region dates back to 1854. Great contribution was made by naval and army officers who often wrote voluminous geographical and ethnographical articles. These works enriched the knowledge about the Amur region. Thus, the first stage in the development of the national historiography was characterized by the accumulation of knowledge about the history of the Chinese in the Russian Far East. Theoretically and methodologically, the topic “the Chinese in Russia” wasn’t examined at all between 1858 and 1884. However, it is important that

already at that time the first attempts were made to carry out the scientific analysis of the reasons for the appearance of the Chinese on the territory of the Ussuri region.

Keywords: China, Manchuria, studying Chinese, Russia, 1858—1884, scientific publications, Chinese, Amur, Russian naval and army officers, N.N. Muravyev, A. Vysheslavtsev.

Историографию по истории китайцев в России можно разделить на отечественную дореволюционную, советскую и постсоветскую, а также на китайскую, англоязычную и т.д. Дореволюционную историографию можно разделить на четыре этапа: 1858—1884 гг., 1884—1895 гг., 1895—1905 гг. и 1905—1917 гг. В данной статье хотелось бы рассмотреть, что писали в 1858—1884 гг. о китайцах в России.

Первый этап историографии открывается работами таких авторов, как Р.К. Маак, который руководил специальной экспедицией на Амур¹, и некоторых других. Особенностью этого этапа является то, что авторы не писали специально о китайцах в пределах Русского государства. Сама тема только начинала выкристаллизовываться из общей массы тем, связанных с взаимоотношениями с Китаем. Вместе с тем, освещая общие проблемы развития пограничных с этим государством территорий, они не могли игнорировать наличие там постоянных или временных китайских подданных. При этом авторами преследовались сугубо практические цели, заключавшиеся в обеспечении наиболее благоприятных условий развития этих регионов и установлении взаимовыгодной торговли с Китаем.

Своеобразной антологией всего написанного об Амуре до 1858 г. стала «История реки Амура, составленная из обнародованных источников». В ней, в частности, отмечалось: «Прошло 165 лет, как русские отказались от Амура, но мысль о возвращении этой реки никогда не выходила из головы Начальников Восточной Сибири»². Также приводились некоторые данные о так называемых зазейских маньчжурах, т.е. китайских подданных, оставшихся по Айгунскому договору жить на левом берегу Амура под ведением цинских властей³. Повествование завершалось словами: «Итак, России открыт широкий путь в Восточный Океан. Наша торговля проникнет до берегов пятой части света... На Амуре составляются купеческие компании, проектируются железные дороги. Быстроте развития мешает редкая населённость берегов Амура, но пройдёт 10 лет и река эта будет житницею Камчатки, островов и Америки; для всего Забайкалья сделается она Крымом. Как признательно будет потомство Графу Амурскому! Молва сохранит имя его в преданиях, а история поместит подвиги его на страницах своих. Люди исторические не умирают!»⁴

Большой вклад в развитие исследуемой историографии внесли морские и армейские офицеры, которые помимо рапортов часто писали большие статьи географического и этнографического характера. К ним

относятся работы, значительно обогатившие наши знания о Приамурском крае. Первые сведения о китайцах Уссурийского края относятся к 1854 г., когда российские исследователи изучали восточный берег Корейского полуострова и южную часть названной территории. В отчёте они отмечали: «Правым берегом реки Тумэнь прекращается Корейское Народонаселение. На этом (т.е. правом. — А.П.) берегу встречаются ещё довольно значительные селения, но Кореец не делает ни шагу на противоположный берег. Там пустынная равнина отделяет их от Манжурии, или, правильнее, от селений каких-то, промышленников из Китайцев или Манжуров, которые в свою очередь боятся переходить на корейскую границу. О нравах и о образе жизни этих переселенцев нельзя сделать положительного заключения; они составлены из Китайцев почти всех губерний этой обширной империи. Некоторые из поселенцев считают себя вполне независимыми, другие причисляются к Гиринской Губернии, южной губернии Манжурии, и утверждают, будто бы они платят им некоторую дань. Дань эта, вероятно, заключается в работе, отправляемой поселенцами на Манжур. Первое селение таких пришельцев встретили мы на перешейке за высокою скалою *Бутакова*, а второе в гавани *Посьета*. Последнее довольно значительное и находится в северной части гавани вблизи хорошо обработанных полей. Жители этого селения, по-видимому, довольны своим состоянием, выказывают склонность к торговле и обещались нам в течение нескольких дней пригнать из окрестности рогатого скота. Они же объявили нам, что гавань эту посещают европейские суда. Показание это впоследствии подтверждал капитан одного китобойного корабля, объявивши, что они заходят зимовать в прекрасную гавань на татарском берегу, под 43-м градусом северной широты; бухта эта, вероятно, есть гавань *Посьета*, широта которой 42°37' N»⁵.

Знаменитые сплавы генерал-губернатора Восточной Сибири Н.Н. Муравьёва по Амуру были осуществлены в 1854—1856 гг. Когда пароходов не было для поддержания жизнедеятельности русских, на Амуре использовались маньчжурские лодки и шаланды, о чём свидетельствовал участник тех событий Н. Назимов, который писал: «До 1857 г. подымались вверх по р. Амур только на маньчжурских лодках и шаландах, частью под вёслами и частью бичевою...»⁶.

Описания А. Вышеславцева о плавании по бухтам Св. Владимира и Св. Ольги относятся к концу 1858 и началу 1859 г. Упомянув туземцев Уссурийского края, он называл их «Уй-пи-да-цзы» или «жителями северных стран, одевающимися в рыбы шкуры». Вероятно, речь шла как о тазах, так и о гольдах. Вот как он описывал первую встречу с китайцами глубокой осенью 1858 г. в бухте Св. Владимира: «На клипер приехали туземцы на длинной, сколоченной из досок лодке. Это были Китайцы, по всей вероятности беглые, потому что Китайцам проезд через Манджурию запрещён. На головах, украшенных косами, были у них соболиные шапочки; остальной костюм был какой-то бесформенный; он мог принадлежать всякой народности, обусловленный случайностью и климатом.

Что-то похожее на серый армяк, на ногах из тюленьей шкуры род гетр, и из той же шкуры башмаки, обувь, известная у нас в Сибири под именем *торбасов*; на поясе коротенькая трубочка, кожаный мешочек для табаку и ещё какие-то безделки. В ушах серьги, в косу вплетены пуговики и побрякушки. Лицо старшего было типом китайской физиономии, с двумя линиями вместо глаз, с широкими скулами, с реденькими усами и бородкой. Другой был юноша, более смуглый; полнота его молодого лица скрадывала угловатые черты, так резко выступавшие у старшего; они привезли рыбу, род лосося, которую выменивали на пуговицы и старое платье. В обращении они были очень развязны. „Шангалды, шангалды“, говорили они, если были довольны вещью. „Пу шангалды“, если нет; причём трясали головой и мотали руками»⁷.

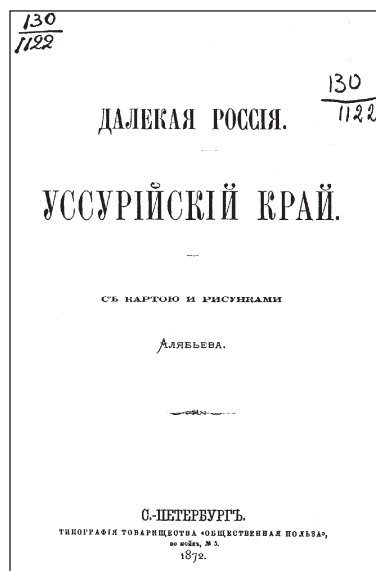
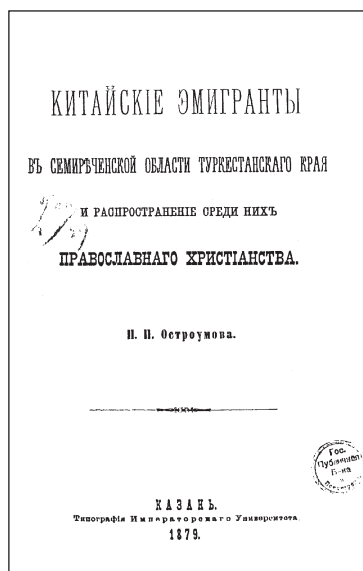
Через несколько дней русские посетили небольшое селение китайцев и «уй-пи-да-цзы». Вот что писал А. Вышеславцев об этом визите: «Первая попавшаяся хижина выстроена была довольно крепко; она состояла из двух отделений: первое — род кладовой, где висела юкола (сушёная рыба); по углам сложена всякая рухлядь. В другом отделении было самое жильё. Печь шла низким боровом кругом стены, и на ней устроены были широкие нары; это была известная *к'ан* — необходимая принадлежность хижины Манджура или Уй-пи-да-цзы, людей, живущих в холодных странах. По углам и бесчисленным полкам очень много плетёной из прутьев посуды, обмазанной глиной и сделанной очень искусно, и просто деревянной. В одном углу род молельни, что-то из фольги и бумаги, но покрытое, как и всё в хижине, копотью и дымом, отчего всё смотрело чем-то неопределённым. На стене висело китайское ружьё с фитилём... Близ хижины, за изгородью, паслись два красивых пёстрых быка, несколько кур прохаживались в разных направлениях. Несмотря на все наши просьбы, хозяин не продавал быков, знаками показывая, что когда нападёт снег, то на них он удалится внутрь страны и увезёт на санях весь свой скарб». Кроме описанного жилища, «далее по берегу виднелось» ещё «около пяти хижин». Говоря о жителях, автор заключает: «По всему, однако, видно было, что это временные жильцы». Из их занятий он называет следующие: вываривание из морской воды соли, сушение рыбы и ловля моллюсков, «из которых самым лакомым считается хай-мень»⁸ (по-видимому, описка, правильно «хай-шэнь», т.е. трепанг. — *А.П.*).

Затем судно, на котором служил А. Вышеславцев, перешло 10 милями южнее, в бухту Св. Ольги (англичане называли её бухтой Сейтона), а немного позднее снялось на Японию. Вернулось оно в Ольгу, где зимовали россияне, «ровно через пять месяцев (18 апреля 1859)». А. Вышеславцев свидетельствует, что русские перезимовали в бухте Св. Ольги довольно успешно: «Мало-помалу начали появляться туземцы, так же как и по Владимиру, — Китайцы; знакомились и понемногу сближались с нашими. Они носили кабанину, диких коз, наконец стали продавать и скот. Серебро они брали охотно, а ещё охотнее синюю бумажную материю, известную в этих странах под именем *дабы*, род миткаля. Недостаток был только

в зелени. Китайцы жили в разбросанных хижинах, на довольно значительном расстоянии одна от другой, по реке Аввакума; ближайшие были вёрстах в пятнадцати. Жили они точно так же как и Китайцы Владимировской бухты, только у некоторых стариков висели на шестах заготовленные для себя гробы. За дабу носили Китайцы собольи шкурки, которые, впрочем, продавали и за доллары. Скот их очень хорош, крупен, красив и сыт. Вообще, окрестности Ольги представляют много условий для скотоводства...»⁹.

Перу Бартоломея принадлежит статья¹⁰, в которой приводится довольно много сведений о состоянии окраины. Автор высказал свои взгляды на её развитие, носящие, однако, противоречивый характер. В то же время Бартоломей подчёркивал: «Быстрое заселение Приамурского края есть предмет первой важности... всё зависит от заселения её русским крестьянином»¹¹.

Процесс накопления знаний о маньчжурах, оставленных после подписания Айгунского договора на прежних местах жительства на левом берегу Амура, и китайцах в России был многотрудным, так как на этом пути часто вставал языковой барьер или нежелание представителей данных народов вступать в контакт с русскими. Этому процессу способствовали работы многих авторов. Статьи Д. Завалишина о проблемах освоения Амура чрезвычайно эмоциональны. Так, в одной по поводу отношения русских и маньчжуров к аборигенному населению отмечается: «Нельзя не остановиться на утверждении Паргачевского, уверявшего в описании своего зимнего проезда по Амуру о преимуществе действий Русских относительно местных жителей, в сравнении с Манжурами. Пора нам, кажется, бросить это тщеславное восхваление себя, которое, покрывая зло, препятствует его искоренению и предупреждению. Какие личные причины имеет Паргачевский к подобным удостоверениям — не знаем. Он отказался дать

Титульные листы русских изданий в XIX в.

отчёт своему хозяину, у которого был приказчиком, какими средствами приобрёл он соболей для себя лично, независимо от торговли хозяина. Но мы хорошо знаем, и Паргачевский должен был знать, что пред отправлением в 1857 г. объявлено было письменно от начальства, что до его сведения дошло об обманах и насилиях, которые Русские дозволили себе в плавание 1856 г.; и это объявление сообщено было всем отправлявшимся по казённым и частным делам...»¹². Подробности этих событий не совсем выяснены.

Ф. Антонов, повествуя о Нерчинских заводах, приводит интересные данные о том, что «с 1831 по 48 г. Нерчинское горное ведомство дало прибыли на израсходованный рубль средним числом 14%, а с 1848 по 59 г. на тот же расходный рубль прибыли 85%». Ф. Антонов отмечал: «В В. [восточной] Сибири всё идёт вперёд; и мы смело можем сказать, что результат двенадцатилетнего управления был благодетелен для края»¹³. Подчёркивая, что Россия приобрела Приамурский край, «не пролив ни одной капли человеческой крови» и «не потеряв ни на минуту прежней дружбы и расположения соседней», Ф. Антонов писал: «Новая граница на Амуре и Уссури охраняется поселёнными на ней казаками: на реке появились пароходы; переселенцам дарованы всевозможные льготы; торговле дан простор освобождением её от всевозможных стеснений, столь вредных её существованию, — словом, — для нового края сделано всё, что только можно было сделать в такое короткое время и при таких ограниченных средствах»¹⁴.

Воздавая должное амурским и уссурийским казакам, Ф. Антонов вместе с тем отмечал: «Ежели состояние амурского казака не так хорошо, как бы оно должно быть, то вину этого надлежит искать не в ошибочных распоряжениях начальства, не в безнравственности начал, но в природной лениности сибиряка вообще и забайкальского казака в особенности. Проезжая по селениям Приамурья, я немало удивлялся тому, что на столах казаков не являлась никогда рыба, хотя она водится в несметном количестве во всякой речушке, не говоря уже о самом Амуре». Чем только не объясняли это казаки: и занятостью, хотя оказывалось, что свободного времени у них было очень много; и отсутствием снасти и т.д. Характерен следующий диалог автора с казаками:

«— Не стыдно ли вам рассчитывать везде и всегда на казну: разве вы сами не можете целым селением купить хотя бы один невод у Маньчжуров?

— Мы бы, конечно, купили у них невод, да, вишь ты, проклятые, дорого больно просят. Сами мы сглупали (так. — А.П.) и дали маху: нам бы надо было купить у них невод сперва, как только что здесь поселились, когда Маньчжуры были ужасно глупы и всё дёшево продавали; а теперь они, даром что тварь, а уж *обрусели* и хитры, проклятые, стали: за всё дорого просят, дёшево ничего не отдают»¹⁵.

Подобные определения русских в отношении маньчжур и китайцев, таким образом, встречались с первых публикаций. Характерно то, что эти высказывания принадлежали малограмотным казакам и крестьянам с крайне низким уровнем культурного развития. В то же время интересен тот факт,

что Ф. Антонов не обратил внимания на столь неуважительное к маньчжурам высказывание и не сделал никакого замечания сказавшему это.

Из частных фактов, приводимых Ф. Антоновым и представляющих интерес, назовём то, что многие ссыльно-каторжные, которые до 1858 г., сбегая поодиночке, вдвоём или втроём, пытались по Амуру достичь «Аглецкую землю», находившуюся, по их мнению, в его устье, «все эти удалыцы без исключения попадались в руки Маньчжур, которые доставляли их в оковах в Цуруханку или Кяхту»¹⁶.

Большим вкладом в дело изучения истории Дальнего Востока России являются работы Е. Бурачека, являвшегося в 1861—1862 гг. командиром поста Владивосток, в которых он описал ряд своих контактов с китайцами Южно-Уссурийского края, их основные занятия и быт. Много места он уделил также отношениям с пограничными властями Маньчжурии^{17, 18}.

Интересные сведения о народах Амурского и Уссурийского краёв, включая маньчжуров и китайцев, привёл в своих статьях А.А. Пещуров¹⁹. Примечательно, что в это же время появляется статья И. Лопатина о золотодобыче китайцев в Маньчжурии и в Приморской области, который писал: «От здешних китайцев я везде слышал, что в русских владениях золота немного и что люди, которые там доставали его, ушли на более богатые новооткрытые россыпи по системе р. Сунгари, около городов Сансина и Нингуты»²⁰.

Статья Д. Афанасьева написана в качестве отклика на полемику, развернувшуюся в начале 1860-х гг. по поводу проблем освоения Амура. Отмечая, что «китайцы не считали устье Амура своим и потому не имели там не только никаких поселений, но и никаких гарнизонов», он писал: «В начале прошлого десятилетия явилась мысль <...> что свободное, никому не принадлежащее устье р. Амура может быть занято какой-нибудь европейской державой (особенно всюду сующимися англичанами), и тогда мы потеряем навсегда единственный и при том 4000-вёрстный сплавной путь из Сибири к океану. Во избежание такой неприятности мы ставим Николаевский пост...»²¹. Д. Афанасьев, не стремясь, как он сам выразился, «рисоваться оригинальностью взгляда», высказал свою точку зрения на пути заселения и освоения Приамурского края. Проводя свою «идею» о «необходимости морского строения в крае», он писал: «В направлении колонизации и административного порядка в новом крае не следует упускать из виду тех элементов народной жизни, которые оставляют действительный интерес пользования приморскою страной; я хотел бы сказать, что обзаселение пограничной линии в новом крае и вообще устройство земледельческих поселений на Амуре составляет второстепенный вопрос, так как Амур занят нами не в видах обеспечения себя хлебом; а устройство морских поселений, воссоздание морских промыслов и развитие всевозможными льготами и поощрениями национального судостроения и мореплавания у берегов Восточной Сибири — вот главнейшая задача к осуществлению действительной полезности занятого нами края. Одно другому не мешает, а помогает, если идёт рука об руку; но чем более

Инициалами «Н.Щ.» подписал свою статью об «учёной экспедиции» по внутренней р. Сунгари, впадающей в Амур, неизвестный нам автор, который писал: «Хотя по (Пекинскому. — *А.Л.*) трактату 1860 г. мы получили разрешение путешествовать по всем областям китайского государства, но... китайские правительственные власти, сохраняя старинную политику, под разными предложениями останавливали русских на пути в Маньчжурию». Публикация представляет собой извлечения из дневников экспедиции, которые вели князь П.А. Кропоткин и штабс-капитан А.Ф. Усольцев. 24 июля 1864 г. пароход, на котором кроме экипажа находилось «25 линейных солдат, разумеется, для усиления дипломатического красноречия», вошёл в устье Сунгари. После того как судно с баржей, гружённой 5 тыс. пудов угля, миновало два поста, представив дежурившим на них список всех людей, находившихся на борту, «...26 июля приплыл к пароходу на лодке чиновник, манджур. Он сказал, что русские не имеют права ходить по Сунгари и просил обождать, пока получит разрешение государя, но пароход поднял якорь и пошёл вперёд»²⁸. Напомним, 2-я статья Айгунского договора гласит: «Для взаимной дружбы подданных двух государств дозволяется взаимная торговля проживающим по рекам Уссури, Амуру и Сунгари подданным обоих государств, а начальствующие должны взаимно покровительствовать на обоих берегах торгующим людям двух государств»²⁹. Пекинский договор не только особо подтвердил действие данной статьи, но и расширил её действие (ст. 4—5)³⁰.

Показав, с каким трудом русскому судну, правда, с солдатами на борту, удалось совершить путешествие в Гирина, с целью (конечно, не единственной) доставить туда курьера по пограничным делам, автор отмечал: «Во всяком случае первый шаг уже сделан и доказано, что судоходство по Сунгари до города Гирина возможно; а этого уже достаточно, чтоб не останавливать следующие плаванья, если б только удалось преодолеть крайнее невежество и упрямство манджурского чиновничества. Для этого необходимы настоятельные дипломатические требования». Нам интересна эта статья также и тем, что руководители экспедиции предлагали буквально следующее: «Наши плователи видели в Маньчжурии множество китайцев, частью сосланных, частью переселенцев. Почему же бы не вызвать китайских переселенцев в нашу Манджурию? Теперь живут на наших землях беглые китайцы. Почему же не поручить им сманивать земляков на наши хлеботородные места?»³¹

Данная цитата ясно показывает, что русскими властями, во всяком случае до «манзовской войны», китайцы действительно рассматривались как возможный колонизационный элемент Приамурского края. Более того, об этом ещё в 1858 г. писала «Северная пчела», и это же в начале 1863 г. вполне серьёзно предлагал сам генерал-губернатор Восточной Сибири М.С. Корсаков в своём отношении на имя графа Н.П. Игнатьева³².

Документально-источниковый характер имеет «Всеподданнейшая записка Генерал-Губернатора Восточной Сибири М.С. Корсакова», датированная 17 декабрём 1868 г. и изданная в следующем году в богатом

переплётё. Её появление в определённой степени объясняется «манзовской войной». Записка снабжена девятью пометками императора с резолюцией «Рассмотреть в Ком.[итете] Мин.[истров] в присутствии самого Генер.[ал-] Губер.[натора]». Объясняя причины беспорядков лета 1868 г. и предлагая меры, которые необходимо в этой связи принять, М.С. Корсаков писал: «Китайские же выходцы, поселившиеся и промышленяющие по всему краю, находятся в положении совершенно независимом, они уклоняются от признания русских властей и законов и считают только себя настоящими обладателями страны, русских же — за пришельцев, которых они терпят потому, что сила не на их стороне. Минувшие беспорядки показали, как отнеслось это население к запретительным действиям начальства по добыче золота, и потому настало время к безотлагательному устройству Китайского населения на прочных основаниях и преподанию средств к постоянному за оным наблюдению в видах Русского Правительства. Но так как по всему должно полагать, что население это ещё надолго останется чуждым России, то будущность Южно-Уссурийского края находится главным образом в зависимости от заселения его русскими переселенцами, для которых оказывается крайне необходимым учредить военно-гражданское управление, в круг прямых обязанностей коего входили бы заботы о нуждах гражданского населения и охранении его внешней безопасности. Того же самого требуют развивающаяся торговля и промышленность, для разрешения на месте многих вопросов и возникающих дел»³³.

Следует выделить работы великого русского путешественника Н.М. Пржевальского, который показал, «до какой степени китайцы-беглецы, живущие в Уссурийском крае, сохранили обычаи своих соотечественников», а также их взаимоотношения с коренными народами, в частности, с тазами: «Хитрые манзы держат тазов в постоянной кабале у себя, давая им в долг всё, что для них нужно, а за это обязывают доставлять им в долг добычу своей охоты, конечно, по самым ничтожным ценам»³⁴. О промыслах китайцев много фактов привёл М.Я. Федоровский³⁵.

Одна из немногих работ, посвящённых вопросам религиозных верований китайцев и маньчжуров, принадлежит епископу Вениамину, который свидетельствовал, что Амурская духовная миссия в то время состояла «из следующих отделов, или станов: 1) верхнеамурского, или маньчжурского; 2) среднеамурского, или гольдского; 3) нижнеамурского, или гиллякского, и 4) южно-уссурийского, или корейского»³⁶. После вступления в 1868 г. в управление Камчатской епархией Вениамином были выписаны из Пекинской духовной миссии «...в значительном количестве экземпляров Новый Завет на маньчжурском языке и разного содержания христианские книги на китайском». Книги эти «оказались понятными для амурского, маньчжурского и китайского населения».

Вениамин писал, что поводы к беседе о вере с маньчжурами и китайцами представлялись почти ежедневно, так как они часто сами приходили в архиерейский дом «...по разным делам, а чаще без всякого дела

из одного любопытства и желания познакомиться с новыми людьми или повидаться со старыми знакомыми». Вениамин, подробно описывая образ поведения маньчжуров, отмечал: «Многие из маньчжур бывают и в кафедральном соборе при архиерейском служении, особенно когда видят большое собрание народа в важнейшие праздники». Он также поведал об их истинном отношении к русским и о том, как они боялись своего начальства. Епископ общался с маньчжурами и китайцами на русском языке, так как все они более или менее понимали и говорили по-русски. Маньчжуры признавались епископу Вениамину: «Мы сами... любим русских, потому что кроме добра ничего от них не видим: как пришли сюда русские, мы от них оделись и обулись, а прежде были почти нагие. Знаем, что и русский Царь милостивый и добрый и от начальства своего русские видят только защиту; судят всех по закону, и так, как у нас, никого не наказывают; мы с радостью пошли бы служить русскому Царю. Но начальство наше строго запрещает нам знакомиться с русскими, будто русские нас обманывают, и чтобы мы не верили, что говорят русские»³⁷.

Розданные маньчжурам книги читались ими «с пониманием и большим удовольствием». Когда их спрашивали о прочитанном, они «с увлечением рассказывали о дивном, доселе неизвестном им, Боге Иисусе Христе». Особенно умиляла их «Его любовь к человечеству, Его необыкновенные чудеса для блага людей, исцеление больных, воскрешение мёртвых и более всего смерть за людей и собственное воскресение». В статье также отмечается, что многие маньчжуры и китайцы ещё до Вениамина знали о смерти и воскресении Иисуса Христа, «потому что знали русский праздник Пасхи». Далее епископ Вениамин писал: «Некоторые с прискорбием высказывали, что рады были бы и креститься, если бы не боялись начальства. Являлись в архиерейский дом желающие креститься, но так как они при этом выражали желание перейти и в русское подданство, чего трактаты наши с пекинским двором не позволяют, то таким по необходимости было отказано в крещении»³⁸. Непонятно, откуда могло возникнуть такое толкование русско-китайских договоров (по-видимому, здесь имеется в виду только Айгунский договор, вследствие чего маньчжурам отказывали как в крещении, так и в принятии в русское подданство).

Большой интерес представляет работа А.А. Алябьева, который отмечал, что «весь правый берег, принадлежащий Китаю, до самого Благовещенска (был тогда необитаем. — А.П.)». Население зазейских маньчжуров, дауров и китайцев при этом составляло, согласно его данным, 11 тыс. чел.³⁹ Данная книга вышла всего через четыре года после «манзовской войны». Разумеется, в то время воспоминания о событиях 1868 г. были очень свежи, но что характерно: А.А. Алябьев ни разу не назвал их «манзовской войной», называя их то «восстанием манз», то «возмущением манз»⁴⁰. Это даёт основание предполагать, что термин «манзовская война» вошёл в обиход позднее, скорее всего, в 1880-е гг.

Производство хлеба в Амурской области, по свидетельству А.А. Алябьева, год от года росло: «Продав в 1864 г. хлеба всего только 25 000 пудов,

Амурская область в 1868 г. отпустила его уже 120 000 пудов. Главную житницу края считается пространство по реке Зее, где живут, и притом довольно хорошо, русские крестьяне, и некоторые из казачьих станиц вблизи Благовещенска»⁴¹. О торговле китайцев в Благовещенске А.А. Алябьев писал: «Русские покупают у китайцев скот, хлеб, кирпичный чай и, тайно, *ханшин* — водка, выделяемая из особого вида проса, называемого китайцами будою; продают же им сукна, бумажные товары, плис, стекло и проч. мелочи. Китайское правительство не позволяет своим подданным строить жилые дома на нашем берегу, а дозволило выстроить только деревянные балаганы для торговли. Этого, впрочем, совершенно достаточно для китайцев, которым дано право торговать в этих балаганах каждый месяц по одной неделе, считая с полнолуния. В это время они обыкновенно каждый день утром переправляются через Амур и являются в Благовещенск, а с закатом солнца вновь отправляются в свою деревню, лежащую против Благовещенска. Торговля эта мелочная и состоит из птицы, рыбы, табаку, особого вида ткани, приготовленной из коконов дубового шелкопряда и называемой *чичунча*, и проч. мелочей. Надо сказать, что все европейские товары здесь дурны, а, между тем, дороговизна на них страшная. При этом следует заметить, что китайцы принимают наши бумажки по такому курсу, который не существует ни на одной из европейских бирж. Серебряный рубль они принимают от 1 р. 25 к. до 1 р. 50 к.; а в 1867 г. принимали серебряный рубль даже за 1 р. 95 к. Всего переходит из Благовещенска в Китай звонкой монеты до 150 тыс. руб. в год; весь же торговый оборот с Китаем доходит до полумиллиона рублей»⁴².

Касаясь развития торговли и русского судоходства по Сунгари, которое было обусловлено русско-китайскими договорами, А.А. Алябьев отмечал, что «на деле фактически китайцы этого не дозволяют». Далее автор писал: «Несколько мирных торговых экспедиций было отправлено нами по этой реке, но каждый раз без всякого успеха. Всегда приходилось возвращаться назад, не распродав своих товаров и почти ничего не закупив. Местные власти с необыкновенным китайским уменьем, с тою знаменитою хитростью и лукавством, о которые разбивается всякое человеческое терпение, не дозволяют своим подданным вступать в торговые сношения с русскими. Купцам, однажды отправившимся туда под предлогом закупки хлеба для русских войск, местные китайские власти отказали в праве торговли, а, боясь в то же время навязчивости и неприятности, приказали своим купцам дать хлеба, но не брать денег, объяснив, что если русские так нуждаются в хлебе, то „...мы охотно и с удовольствием безвозмездно поможем им в этом бедствии во внимание к их бедности“»⁴³.

Говоря о Хабаровке, А.А. Алябьев писал: «В особенности увеличивается прибылое население в два летние месяца: июнь и июль, когда не только с Усури, но даже с Сунгари прибывают китайцы с купленными от инородцев собольями, для которых Хабаровка главное складочное место». По свидетельству купцов, в Хабаровке ежегодно скоплялось до 20 тыс. собольих шкур. При этом цена одной колебалась в зависимости от качества

от 5 до 20 серебряных руб. Далее А.А. Алябьев писал: «В первое время русского заселения соболя можно было достать за стеклянную бутылку или за медную пуговицу, а ловить его можно было около дома. Однако это продолжалось недолго. Запрос русских купцов, явившихся сюда из Забайкалья и даже из Иркутска, и усиленная охота на соболей естественно подняли цену и уменьшили добычу. Эта конкуренция однако не мешает китайцам и русским купцам эксплуатировать в свою пользу инородцев, которые за соболя получают самые ничтожные цены»⁴⁴.

О занятиях сельским хозяйством китайцев Уссурийского края А.А. Алябьев написал немного. Вместе с тем он отмечал: «В то время, как у наших казаков он (урожай. — *А.П.*) бывает в 20 пудов (3,2 ц. — *А.П.*) с десятины или относительно посева сам-друг[ой] с небольшим, я видел китайские поля на р. Има, где с десятины снимают урожай в 80 и 100 пудов (12—16 ц. — *А.П.*); сами же китайцы говорят, что в благоприятные годы можно снять даже 150 и 200 пудов. Разумеется, нельзя сравнивать обработку земли у китайцев с обработкой наших казаков, которые не столько заботятся об урожае, сколько о даровом получении хлеба от казны»⁴⁵. И далее: «По самому своему наружному виду китайские поля резко отличаются от русских; как в последних чаще можно видеть луг сорных трав, среди которых, по русскому выражению, „колос от колоса — не слышно бабьего голоса“, так китайские поля непривычному человеку легко бывает принять не за пашню, а за тщательно содержимый огород. Все поля обыкновенно перепалываются грядками наподобие огородов, и ни в одной бороздке нельзя отыскать и малейшей сорной травки, которая выпалывается с необыкновенным тщанием и китайским трудолюбием»⁴⁶.

А.А. Алябьев также обратил внимание, что среди китайского населения Уссурийского края почти вовсе не было женщин: «Так что здешние манзы или вступают в брак, или просто сожительствуют с женщинами из инородцев: гольдянками, орочонками и тазами». Считалось, что «всех китайцев, или манз», насчитывалось в крае 2007 чел., из которых 1797 чел. (89,5%) были мужского пола и 210 — женского (10,5%)⁴⁷.

В общем А.А. Алябьев затронул многие проблемы, связанные с жизнедеятельностью китайцев в Приамурском крае, включая промысел морской капусты у русских берегов, который развился до такой степени, что эта капуста на китайском рынке стала конкурировать с аналогичным продуктом, ввозимым в Китай из Японии. Китайцы за её промысел не платили ни копейки, а готовый продукт вывозили в Китай беспошлинно. Отмечая это, А.А. Алябьев писал: «Приверженцы системы свободной торговли могут, конечно, только радоваться такому господству их принципа в русских владениях на Тихом океане. Такая свобода кажется тем основательнее, что капля русских, поселённая в гавани св. Ольги, не привыкла и не занимается этим промыслом. Но в сущности эта свобода, дарованная китайским бродягам, весьма вредно отзывалась для края. Во-первых, она развивает в китайцах уверенность в своём превосходстве перед русскими переселенцами, подчинёнными местным властям, что выражается при

первом взгляде на то, как китаец держит себя с русским; она оставляет его в убеждении, что он господин здешнего края, а не русские; она поддерживает бродяжничество, которое в известных случаях, как например, при бывшем так называемом восстании манз, принесло весьма много вреда, выразившегося между прочим в сожжении ими лучшего русского населения — Никольской деревни; наконец эта бесконтрольность вредит даже местному хозяйству...»⁴⁸

Приведя данные об общей численности населения Уссурийского края в 1869 г., равной 11 947 чел., из которых 6318 чел. (53%) были русскими, А.А. Алябьев завершил книгу следующими словами: «...я не буду делать никаких выводов. Предоставляю их сделать самому читателю и убеждён, что он придёт к заключению, что выгоды, которые может дать этот край за все жертвы, понесённые для приобретения и устройства его, могут ожидать только отчасти, да и то в весьма отдалённом будущем, при непременно условии реорганизации нынешних порядков, административного устройства и при энергетической настойчивости в проведении тех мер, которые признаются полезными для края»⁴⁹.

Фактически о первом опыте найма китайских рабочих в провинциях Шаньдун и Чжили в 1876 г., начиная от въезда автора статьи в Китай через Яхту и заканчивая доставкой «кули» морским путём в Хабаровск, повествует материал П.Ф. Унтербергера. Он побывал и в других провинциях Китая, придя к выводу, что шаньдунцы и чжилийцы наиболее подходящий контингент в качестве рабочих, так как жители более южных провинций, как считалось, были неприспособлены к климату Приморской области. Население Чжили, Шаньдуна, Цзянсу, Чжэцзяна, Фуцзяня и Гуандуна, занимавших в то время площадь приблизительно в 730 тыс. кв. вёрст, оценивалось в 148 млн чел., или в среднем 203 чел. на 1 кв. версту. Только в провинции Чжили насчитывалось 17 первоклассных и 114 второклассных городов⁵⁰. Население всей Маньчжурии, Монголии и Илийского края китайское правительство в конце 1870-х гг. определяло в 2 млн 167 тыс. чел., тогда как Клапрот считал, что на этом пространстве проживало по меньшей мере 6—7 млн.⁵¹ Уссурийские и маньчжурские китайцы у русских властей в тот момент «не пользовались репутацией надёжных работников», так как среди них было много «пришлого, испорченного элемента». Доставка русских рабочих из Европейской России обходилась слишком дорого, так как они требовали крупных задатков и как минимум полуторной зарплаты по сравнению с той, которую имели у себя на родине. Китайские же рабочие обходились примерно в 15—20 серебряных руб. в месяц, считая их перевозку в Россию и обратно, т.е. примерно в 3 раза дешевле, чем русский рабочий⁵². О неизбежности использования китайской рабочей силы при освоении русского Дальнего Востока писал также Н.Л. Гребницкий⁵³.

К.С. Старицкий был одним из первых, кто привёл некоторые факты и описал события «манзовской войны», в которой ему пришлось поневоле участвовать самому⁵⁴. Вопросы численности, хозяйственной деятельности

и правового положения китайцев в Уссурийском крае в 60—70-е гг. XIX в. рассмотрены также Ф.Ф. Буссе, а в Амурском — М.И. Венюковым⁵⁵. Кроме того, Ф.Ф. Буссе одним из первых обратил внимание на такое занятие китайцев, как добыча и культивирование женьшеня: «Весьма важную отрасль хозяйства манз составляет искусственное разведение корня жиньшень, который продаётся в Китай по весьма высокой цене. Кроме того манзы ищут этот корень, растущий дико в горных ущельях. Последний ценится почти вдвое дороже культурного. Эта промышленность, которую занимаются манзы во всём нашем южном крае, доставляет весьма важный, по количеству и ценности, предмет вывоза в Китай и со временем может послужить к развитию нашей торговли с Китаем, особенно когда русское население, переняв способы ухода за жиньшенем, займётся его разведением»⁵⁶. К сожалению, в дореволюционный период русское население культивированием женьшеня так и не занялось. По данным Ф.Ф. Буссе, на Амуре, в устье Зеи, к началу 1870-х гг. проживали 3286 маньчжуров, 5400 китайцев и 1960 дауров, а всего 10 646 китайских подданных. Это составляло примерно 31,7% от общей численности населения области, которое насчитывало 33 611 чел.⁵⁷ Сколько китайцев проживало в Уссурийском крае, Ф.Ф. Буссе данных не привёл.

Исторические сведения приведены в работе архимандрита Палладия, представляющей собой отдельный оттиск из «Записок ИРГО»⁵⁸. Сведениями о китайцах Уссурийского края снабжена статья И. Чайковского, который считал, что «манзы принимают русское подданство в самом ограниченном числе»⁵⁹. Однако, по нашим сведениям, китайцы до начала 1880-х гг. русского подданства не принимали, так как боялись наказания со стороны маньчжурских властей.

Некто Б.О.Б. перевёл рапорт командира корвета Vettor Pisani герцога Генуэзского о его пребывании в августе — сентябре 1879 г. в российских портах Восточного океана: Ольге, Посьете и Владивостоке, — представленный морскому министру Италии и напечатанный в следующем году в февральском номере журнала *Rivista Marittima*. В кратком (всего 16 строк) введении к переводу Б.О.Б. писал: «Этот рапорт представляет интерес потому, во-первых, что из него узнаём, какое впечатление вынес образованный и беспристрастный иностранец при посещении наших портов Восточного океана; его похвала или порицание имеет известное значение уже потому, что он смотрит со стороны и ему, может быть, видно то, чего мы сами не замечаем»⁶⁰. Герцог посетил русские селения, находившиеся в нескольких километрах от поста, о которых он, в частности, писал: «Селения эти представляются в весьма плачевном виде; жизненные припасы дороги, скота весьма мало; немногочисленные поля плохо обработаны; причина тому может быть неопытность; большая часть домов, первоначально построенных правительством, мало-помалу обращается в развалины». Говоря о китайцах, командир итальянского судна отмечал: «В гораздо лучшем виде замечаются небольшие китайские селения, разбросанные вдоль берега; они поддерживают своё существование,

главным образом торгую морской капустою, которая в большом количестве вывозится в Китай. Мне кажется, что китайцы лучше умеют пользоваться местными условиями». Таким образом, данные герцога подтверждают, что китайцы в бухте Ольга были временными промысловиками по добыче морской капусты, а не постоянными жителями. Говоря о Владивостоке, итальянец замечает: «До 1864 года на месте нынешнего города было лишь село, имеющее теперь около 16 000 жителей русских и китайцев». Правда, здесь же переводчик поправляет его: «Это несколько преувеличено: жителей считается до 10 000»⁶¹.

Большую ценность представляют работы о международном положении на среднеазиатском участке русско-китайской границы. Так, А.К. Гейнс, который ездил по аулам Среднего и Старшего жузов с комиссией, работавшей над проектом переустройства управления степью, позднее описал восстание дунганей в середине 1860-х гг. Заканчивая обзор событий, связанных с восстанием, и отмечая, что ещё к концу 1865 г. власть маньчжуров была уничтожена на огромном пространстве, А.К. Гейнс писал: «Взвешивая изложенные выше факты с современным состоянием правительства в Китае, невольно сомневаешься в том, чтобы маньчжурская династия была в состоянии когда-нибудь восстановить, без помощи извне, свою власть в Джунгарии и китайском Туркестане». Вместе с тем автор высказал идею, согласно которой сильный Китай отвечал интересам России⁶².

Эта тема была продолжена в книге Н.П. Остроумова, в которой рассмотрены следующие проблемы: политические события в при-Илийском крае Китая, вызвавшие эмиграцию китайских подданных в Семиреченскую область; этнографические сведения об этих эмигрантах (даурсолоны, сибо-солоны и калмыки и др.); распространение православия среди эмигрантов. В числе этих беглецов были также маньчжуры и китайцы, о чём свидетельствует численность иммигрантов, «окрещённых в Копальском уезде за 1868—1872 гг.». В число крещёных (721 чел.) входили 12 маньчжуров и 12 китайцев⁶³.

Вопросы международного положения в Илийском крае в период обострения русско-китайских отношений в начале 1880-х гг. рассмотрены также в работах других исследователей — современников описываемых событий. Автор, подписавшийся как «Влад-ов», предвещая мирный исход конфликта, отмечал: «Последние известия, полученные из Китая, свидетельствуют, что теперь уже большинство населения склоняется в пользу мирного разрешения возникших с Россией недоразумений»⁶⁴. Тема китайцев в России этими авторами не поднималась, так как ханьцы на русскую территорию не переселялись.

Одним из главных мест сосредоточения китайцев на данном этапе был, конечно, Уссурийский край, привлекавший их своими природными богатствами. В этом отношении характерна статья, опубликованная в одном из выпусков Географического общества и показывающая, что русской

администрации в контроле за деятельностью китайцев в крае приходилось буквально конкурировать с маньчжурскими властями, руководившими последними из-за границы⁶⁵.

1880—1882 гг. ознаменовались публикацией трёх выпусков «Сборника договоров России с Китаем и Япониею, трактатов иностранных государств с Китаем и дополнительных правительственных и административных распоряжений, касающихся взаимных отношений России и Китая». Во втором выпуске была напечатана «Инструкция Кяхтинскому Пограничному Комиссару 1864 года», в 9-м параграфе которой, в частности, говорилось: «Вообще Комиссар обязан заботиться о сохранении доброго согласия между местными жителями обоих государств»⁶⁶.

Из других авторов, создавших заслуживающие внимания по данной теме работы, следует назвать Я.Ф. Барабаша, И. Надарова, А.Ю. Назарова и др. Я. Барабаш показал, что маньчжурские власти осуществляли действенный контроль за китайскими подданными на русской территории⁶⁷. Это ещё раз доказывает, что введение подсудности китайцев русским судам, осуществлённое в начале 1880-х гг., было чрезвычайно важной и своевременной мерой, позволившей китайцам почувствовать себя в России более свободно.

Работа И. Надарова представляет собой сообщение, с которым он выступил в Обществе изучения Амурского края по результатам его путешествия в августе — декабре 1882 г. и в мае — сентябре 1883 г. За это время ему удалось рекогносцировать правые притоки главной водной артерии Северо-Уссурийского края Уссури — р. Кию на 75 вёрст от устья, Хор — на 125, Бикин — на 215, Иман — на 150 от устья и Ваку на 150 вёрст от впадения её в Иман. От верховья Ваку И. Надаров прошёл в долину р. Улахэ к китайскому селению Ното-хоуза (Нотогоуцзы), затем по Улахэ до впадения в неё р. Лефудина, по которой поднялся на 10 вёрст от устья и, перевалив через горы, снова вышел в долину Улахэ. Пройдя по этой долине вверх 40 вёрст до места, называемого Суаньесао, И. Надаров горами перешёл в долину р. Даубихэ (Даобихэ) к телеграфной станции Лазарево и от туда через Верхне-Романово пришёл в с. Никольское, обойдя при этом южный и восточный берега о. Ханка. Кроме того, путешественник два раза поднимался вверх по течению р. Уссури от Хабаровки до станицы Буссе и обратно, проехал в лодке по р. Даубихэ от станции Лазарево до Верхне-Романово и спустился обратно по Даубихэ и Уссури до Буссе с заходом на 50 вёрст вверх по Улахэ. Он также прошёл выюком от станицы Графской восточнее телеграфной просеки к станице Буссе и далее вверх по Уссури телеграфной просекой до Лазарево⁶⁸.

За время путешествия И. Надаровым были собраны ценнейшие материалы, причём «китайцы и гольды были переписаны поголовно, а орочоны числом семей», что придаёт публикации большое значение. Всего на 1 января 1884 г. в Северо-Уссурийском крае он зарегистрировал 282 китайца, включая их жён, представительниц коренных народов территории,

и детей от браков с ними. Русское население тогда составляло 2834 чел., включая 1350 лиц женского пола⁶⁹. И. Надаров отмечал: «У каждого китайца есть несколько гольдских или ороchonских семейств, которые называют китайца своим хозяином. В свою очередь китаец по отношению к своим гольдам и орочонам называет себя подрядчиком. Этот подрядчик-хозяин даёт гольдам часть, а орочонам всё потребное им для одежды (кроме кож и мехов), для пищи и для выпивки»⁷⁰. Путешественник считал, что скорейшее заселение края русскими людьми будет способствовать его обрусению и «выводу из тяжёлого экономического положения наших инородцев и изменению их политического состояния». В заключении он писал: «Край жаждет культуры, но ему её не дают. Не дают краю культуры не потому, что он не был способен принять её, а просто потому, что до сих пор мы не знали края и даже не интересовались им»⁷¹.

А.Ю. Назаров привёл подробное описание географического положения селений «зазейских маньчжур»: «По левому берегу реки Амура, от впадения в Амур р. Зеи до станицы Низменной, живёт оседло население, состоящее из Маньчжур, Даур и Китайцев. Всё это население находится в китайском подданстве и управляется китайскими властями; оно занимает пространство по берегу Амура на протяжении в 66-ть вёрст, а в глубину страны распространяется населёнными пунктами и разработанными землями не далее 20-ти вёрст. Общая величина площади, занимаемой китайскими подданными, около 1400 кв. вёрст. Поверхность этой площади представляет собою частью низменную речную долину и частью возвышенную равнину»⁷². Он подметил, что «в долине разработанные китайскими подданными поля обыкновенно находятся на более удобных для хлебопашества землях возвышенных мест»⁷³. Автор также рассмотрел их социально-экономическое положение, отмечая: «Летом маньчжуры, дауры и китайцы не охотятся и даже не занимаются рыбной ловлею; всё время их поглощено полевыми работами». Производимый китайскими подданными хлеб покупали золотые прииски в количестве до 300 тыс. пудов в год, «несмотря на то, что само русское население, расположенное по р.р. Зее, Завитой, Томи, Диму и проч., производит и продаёт ежегодно излишек хлеба до 300 т. пудов»⁷⁴. Таким образом, общее количество хлеба, продаваемого китайскими и русскими крестьянами, проживавшими на небольшом участке от впадения Зеи в Амур вниз по течению последнего, достигало 600 тыс. пудов, или 9600 т. Статья иллюстрирована рисунками автора и снабжена картой.

К 25-летию подписания Айгунского договора приурочена статья М.Н. Галкина-Враского, который привёл также полный текст Айгунского договора. О Н.Н. Муравьёве-Амурском он, между прочим, писал: «По возвращении моём из этих далёких стран Сибири (т.е. Приамурского края. — А.П.), я узнал из февральской книги „Русской Старины“ изд. 1882 г. неизвестное мне до того обстоятельство, что поводом к оставлению графом Николаем Николаевичем службы в Восточной Сибири послужило будто бы неудовлетворение его ходатайства об отделении

Амурского края от Восточно-Сибирского генерал-губернаторства с образованием отдельного генерал-губернаторства на Амуре»⁷⁵.

Таким образом, первый этап развития отечественной историографии истории китайцев в России характеризовался накоплением знаний по данной проблематике. Отличительной чертой этого этапа является то, что авторами многих работ являлись в большинстве непрофессиональные исследователи, которые придерживались различных политических взглядов, разнородных «теорий» исторического развития. Как преданные своей родине люди, они превозносили роль сильного государства. При этом проблема китайских подданных в России была в их работах в основном второстепенной. Отсюда фрагментарность сведений, которые касались преимущественно быта выходцев из Поднебесной. В теоретико-методологическом отношении тема «китайцы в России» тогда вообще не ставилась. Но даже с учётом всех названных недостатков труды представленных в обзоре и других авторов имеют большую научную ценность с точки зрения точности изложения фактических деталей по таким вопросам, как расселение китайцев, их хозяйственная деятельность, контакты с русскими и представителями малых народов и т.д. Вместе с тем надо отдать должное, что уже в то время предпринимались первые попытки более или менее научно подойти к изучению поднимаемых проблем.

¹ Маак Р.К. Путешествие на Амур. СПб., 1859.

² История реки Амура, составленная из обнародованных источников. СПб., 1859. С. 136.

³ Там же. С. 8.

⁴ Там же. С. 147—148.

⁵ Описание восточного берега полуострова Кореи // Мор. сб. СПб., 1855. № 1. С. 37—38.

⁶ Назимов Н. Ответ на статью: «По поводу статей об Амуре» // Мор. сб. 1858. № 12. С. 118.

⁷ Вышеславцев А. От бухты Св. Владимира до Амура // Рус. вестн. 1860. Кн. 1. С. 185.

⁸ Там же. С. 185—186.

⁹ Там же. С. 188—189.

¹⁰ Бартоломей. Описание Амурского края // Воен. сб. 1860. № 8. С. 287—344; № 9. С. 3—48.

¹¹ Там же. № 9. С. 45.

¹² Завалишин Д. По поводу статей об Амуре // Мор. сб. 1858. № 11. С. 39.

¹³ Антонов Ф. Заметки на статьи г. Завалишина об Амуре // Мор. сб. 1860. № 4. С. 398, 403.

¹⁴ Там же. С. 406.

¹⁵ Там же. С. 437.

¹⁶ Там же. С. 443.

¹⁷ Бурачек Е. Владивосток // Там же. 1862. № 5. С. 79—84; № 12. С. 90—97; 1863. № 3. С. 43—45; № 4. С. 20—21; № 7. С. 17—19; Его же. Воспоминания за-Амурского моряка: Жизнь в Владивостоке. 1861—1862 годы // Там же. 1865. № 8. С. 231—257; № 9. С. 101—120; № 10. С. 225—262; № 11. С. 61—97.

¹⁸ Григорьев. Опись реки Тумень-Ула, пограничной с Китаем, произведённая в 1861 году // Там же. 1862. № 9. С. 1—9.

- 19 Пещуров А.А. Путь вверх по реке Амур // Мор. сб. 1857. № 4. С. 255—290; Его же. О плавании в Японском море // Там же. 1862. № 7. С. 79—91.
- 20 Лопатин И. О золотопромышленности китайцев в Маньчжурии и Приморской области Восточной Сибири // Горный журнал. 1863. № 7. С. 172.
- 21 Афанасьев Д. Амурский край и его значение // Мор. сб. 1863. № 11. С. 13.
- 22 Там же. С. 32.
- 23 Бровцын Б. Несколько сведений о южных гаванях // Восточное Поморье. 1865. 4 дек. № 27. С. 159—160; 11 дек. № 28. С. 166—167; 25 дек. № 30. С. 181—182.
- 24 Там же. 11 дек. № 28. С. 166.
- 25 Амурский хлебопашец. Из Амурской жизни // Рус. вестн. 1866. № 5. С. 125—149.
- 26 Амурский житель. С Амура // Отеч. зап. 1870. № 8. С. 129—151.
- 27 Там же. С. 138, 144—145, 147.
- 28 Н.Щ. Плавание по реке Сунгари в Маньчжурию до города Гирина // Мор. сб. 1866. № 5. С. 37—39.
- 29 Гримм Э.Д. Сборник договоров и других документов по истории международных отношений на Дальнем Востоке (1842—1925). М., 1927. С. 55.
- 30 Там же. С. 72.
- 31 Н.Щ. Плавание по реке Сунгари в Маньчжурию до города Гирина. С. 49.
- 32 Подробнее см.: Петров А.И. История китайцев в России. 1856—1917 гг. СПб., 2003. С. 12, 206—207.
- 33 Корсаков М.С. Всеподданнейшая записка генерал-губернатора Восточной Сибири. СПб., 1869. С. 4—5.
- 34 Пржевальский Н.М. Иностранческое население в южной части Приморской области // Известия ИРГО. 1869. Вып. 5. С. 186, 195.
- 35 Федоровский М.Я. Извлечение из рапорта начальника отряда судов Тихого океана, свиты Его Величества контр-адмирала Федоровского // Мор. сб. СПб., 1871. № 12. С. 1—4.
- 36 Вениамин, Епископ. Амурская духовная миссия в 1870 году // Странник. 1871. Т. 3. С. 261.
- 37 Там же. С. 264—265.
- 38 Там же. С. 266.
- 39 Алябьев А.А. Далёкая Россия: Уссурийский край. СПб., 1872. С. 9.
- 40 Там же. С. 49.
- 41 Там же. С. 10.
- 42 Там же. С. 10—11.
- 43 Там же. С. 14.
- 44 Там же. С. 19—20.
- 45 Там же. С. 49.
- 46 Там же. С. 100.
- 47 Там же. С. 111—112.
- 48 Там же. С. 26—27.
- 49 Там же. С. 115.
- 50 Успехи техники в Китае (железные дороги, каналы, шоссе, фабрики, заводы и проч.). Переведено с английского лейб-гвардии Преображенского полка подпоручиком Ворониным // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып. 7. СПб., 1884. С. 248.
- 51 Вильямс. Срединное государство. Пер. с англ. // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып. 12. СПб., 1884. С. 206.
- 52 Унтербергер П.Ф. Опыт найма китайцев в Чжилийской и Шаньдунской провинциях для работ инженерного ведомства в Приамурском крае // Инженер. журнал. 1877. № 9. С. 1—16; № 10. С. 17—36.
- 53 Гребницкий Н.Л. Значение китайско-корейского элемента в деле колонизации Южно-Уссурийского края // Известия Сибирского отдела Императорского русского Географического общества. 1877. Т. 8. № 5—6. С. 155—168.

- ⁵⁴ Старицкий К.С. Гидрографическая командировка в Восточный океан в 1865—1871 годах // Мор. сб. 1873. № 1. С. 1—66.
- ⁵⁵ Венюков М.И. Путешествие по окраинам Русской Азии и записки о них. СПб., 1868; Он же. Состав населения Амурского края // Известия Императорского русского Географического общества. СПб., 1871. Кн. 7. С. 387—396; Он же. Опыт военного обозрения русских границ в Азии. Вып. 1. СПб., 1873; Он же. Очерки современного Китая. СПб., 1874.
- ⁵⁶ Буссе Ф.Ф. Об условиях сельского хозяйства в Амурском крае и населении его // Сельское хозяйство и лесоводство. СПб., 1871. Ч. 106. № 2. С. 75.
- ⁵⁷ Там же. С. 90.
- ⁵⁸ Палладий, Архимандрит. Исторический очерк Уссурийского края в связи с историей Маньчжурии. СПб., 1879.
- ⁵⁹ Чайковский И. Владивосток или Ольга? // Мор. сб. 1880. № 12. С. 29.
- ⁶⁰ Б.О.Б. О наших портах Восточного океана // Мор. сб. 1880. № 10. С. 1—2.
- ⁶¹ Там же. С. 3—4.
- ⁶² Гейнс А.К. О восстании мусульманского населения, или дунгеней, в Западном Китае // Известия ИРГО. 1866. № 3. С. 95—96.
- ⁶³ Остроумов Н.П. Китайские эмигранты в Семиреческой области Туркестанского края и распространение среди них православного христианства. Казань, 1879. С. 51.
- ⁶⁴ Влад-ов. Россия и Китай и Кульджинский вопрос // Воен. сб. 1880. № 8. С. 69.
- ⁶⁵ Об обстоятельствах, при которых были захвачены у китайского чиновника Лю-Гуа в Южно-Уссурийском крае официальная печать, знамя и чиновничья шапка, доставленные в музей Восточно-Сибирского отдела Императорского русского Географического общества // Известия Вост.-Сиб. отд. ИРГО. 1884. Т. 15. № 1—2. С. 99—100.
- ⁶⁶ Сборник договоров России с Китаем и Японией, трактатов иностранных государств с Китаем и дополнительных правительственных и административных распоряжений, касающихся взаимных отношений России и Китая. Вып. II. а) Циркуляры и распоряжения Генерал-Губернатора Восточной Сибири; б) Дополнительная статья к Пекинскому договору 1860 г.; в) Санкт-Петербургский договор России с Китаем 1861 г. Иркутск, 1881. С. 3.
- ⁶⁷ Барабаш Я.Ф. Сунгарийская экспедиция 1872 года // Воен. сб. 1874. № 3. С. 133—355; Он же. Записка о Маньчжурии // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып. 1. СПб., 1883.
- ⁶⁸ Надаров И. Очерк современного состояния Северо-Уссурийского края по результатам путешествия генерального штаба подполковника Надарова 1882—83 гг. Владивосток, 1884. С. 1. (Предварительно работа была напечатана в № 44—46 газ. «Владивосток» за 1883 г. — *А.П.*).
- ⁶⁹ Там же. С. 8—9.
- ⁷⁰ Там же. С. 27.
- ⁷¹ Там же. С. 38—39.
- ⁷² Назаров А.Ю. Маньчжуры, дауры и китайцы Амурской области // Известия Вост.-Сиб. отд. ИРГО. 1883. Т. 14. № 1—2. С. 1. Эта работа одновременно вышла в одном из сборников, издаваемых по распоряжению генерал-губернатора Восточной Сибири Д.Г. Анучина. См.: Он же. Записка о китайских подданных Амурской области Генерального Штаба Подполковника Назарова // Сборник главнейших официальных документов по управлению Восточною Сибирью. Т. 4. Инородческое население Приамурского края. Вып. 1. Инородцы Амурской области. Иркутск, 1883. С. 17—55.
- ⁷³ Там же. С. 3.
- ⁷⁴ Там же. С. 17.
- ⁷⁵ Галкин-Враский М.Н. Айгунский трактат 16-го мая 1858 г. // Рус. старина. Т. 37. 1883. № 3. С. 725.